

**ПРИРОДНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ
И ЕЕ ОБРАЗЫ В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ
(В записях XIX в.)**

Насколько обоснована идея природного предназначения гендерных ролей и можно ли в таком случае говорить об их исторической неизменности? Само понятие «природное предназначение» указывает на некую физиолого-биологическую роль. Социальная, культурная и другие роли женщины в обществе в этом случае ставятся в зависимость от ее биологической функции. «Природное предназначение» же одно — воспроизводство, рождение детей, обусловленное особенностью женской физиологии, физиологии «самки».

Подобная гендерная роль теоретически должна быть присуща женщине только в тот исторический период и в том обществе, где детородная функция представляет собой большую ценность, определяет жизнеспособность общества и его мировоззренческие установки. Это важно в периоды борьбы за выживание, когда жизнь (продолжение рода) сама по себе представляется огромной ценностью, не с юридической или моральной, а с практической, бытовой точки зрения. В подобном обществе, цель которого — выживать и размножаться, женщина-родительница, Мать была не просто ценностью и объектом почитания, но и предметом обожествления и сакрализации, символом продолжения и смысла жизни. Разумеется, речь идет о древних (традиционных) обществах, где проблема выживания была обусловлена исторически (низкий уровень жизни, примитивность технологий, высокая смертность и т. д.). В таких обществах основу почитания Женщины-Матери составляли религиозные взгляды, как единственная на то время идеологически-ментальная сфера, которой были подчинены все проявления духовной культуры.

Давайте предположим, как мог возникнуть и развиваться культ Женщины-Матери в языческих культурах. Основная часть языческих представлений зародилась в первобытности, в эпоху мезолита. Главным занятием мезолитического человека была кочевая охота. Перемещаясь в поисках добычи на большие расстояния, первобытные охотники нуждались в ориентирах, по которым могли бы сверять свой путь. Такими универсальными ориентирами стали для них звезды. «Было сделано важное астрономическое наблюдение: оказалось, что среди бесчисленного количества медленно движущихся по небу звезд есть неподвижная Полярная звезда, всегда указывающая Север» [12, с. 762].

Естественно, первобытному человеку казалось, что небосвод, звезды и весь мир вращаются вокруг этого неподвижного центра — Полярной звезды. Также было замечено, что круговорот остальных звезд связан со сменой времен года, а от времени года зависит приплод и количество зверья — источника жизни и пропитания. Так могло возникнуть убеждение, что поголовье зверей тоже зависит от положения созвездий, а жизнь, в общем, — от неба. Возможно, именно в этот период, человек через понятие времен года стал сознавать понятие времени как такового. Тогда и зародилось представление о том, что на небе есть родительница всего живого на земле — Мать. Естественно, для первобытного охотника она имела звериный облик, а чтобы подчеркнуть ее рождающую функцию, рядом с ней помещалось и доказательство — детеныш, разумеется, тоже женского пола, также способный к деторождению. Так расположенные рядом с осью звездного неба созвездия получили звериные имена. У народов Сибири, например, это были Лосиха и ее дочь. Жители Европы называли их Большой и Малой Медведицами. Основой религиозных верований стало представление о небесных рожаницах.

Появление земледелия, несомненно, значительно повысило жизненный уровень человека, но не избавило его от природной зависимости. Напротив, теперь человек был

вынужден следить за малейшими природными изменениями: ведь урожай зависел даже от вовремя выпавшего дождя. Да, земледелец уже выделял себя из природы, даже противопоставлял себя ей, но зависимость от нее, особенно от природных явлений, не уменьшалась. Поэтому культ рожаниц остался актуальным и для земледельца. С той только разницей, что надежды теперь возлагались не на звериный приплод, а на урожай. Человек по-прежнему зависел от рождающей силы природы.

С уходом охоты на второй план зверовидные богини-рожаницы начали приобретать антропоморфные черты. Теперь это женщины — Мать и Дочь. Возможно, уже тогда они покровительствовали не только рождению урожая, но и рождению детей, продолжению рода. Ведь рождающая сила природы проявлялась и в этом. Образ богини-Матери (Великой Богини) был главенствующим в пантеоне древнейших земледельцев, поскольку был связан с основой существования, основой жизни — воспроизводством всего живого [8, с. 162].

Понятие времени стало главным для земледельца, поскольку от его течения зависел урожай: необходимо было в срок выполнять полевые работы, дожидаться результата. Если для первобытного охотника важна была ориентация в пространстве, то для земледельца — ориентация во времени. Земледелец больше, чем охотник, зависел от времени года. Рождающие функции небесных хозяек осложняются их подчиненностью течению времени. Урожай зависит от времени; а от количества и качества урожая зависят благосостояние, удача, счастливая доля. Иными словами: удача, добро зависят от урожая, урожай — от времени, а время тесно связано с круговоротом звезд, неба, где находятся и сами небесные хозяйки-рожаницы.

Обычай чтить рожаниц, несмотря на противодействие христианской церкви, дошел до начала XX века, что говорит об особом почитании их культа в народе. Рожаницам приносились символические дары, устраивались в их честь массовые торжественные трапезы. Изображения богинь-рожаниц часто можно встретить в сильно стилизованном виде на народных вышивках [13]. В стилизованных, хотя и достаточно натуралистично вышитых изображениях рожаниц (далеко не сразу исследователи расшифровали этот мотив), воспроизводится процесс родов — жизненно важный акт продолжения человеческого рода и одновременно таинство природы, символ продолжения жизни, ее обновления, символ жизни в принципе, жизни как таковой. Отсюда космический, сакральный смысл всего, что связано с жизнью, рождением и сотворением.

Земледелец стал понимать значение дня, суток, во-первых, как календарной составляющей года, а во-вторых, как единицы измерения времени. Сутки, состоящие из темной и светлой половин, разделялись двумя зорями: утренней — восходом и вечерней — закатом.

Таким образом, культ рожаниц вмещал в себя три элемента: время — рождение — удачу. Видимо, эти функции-ипостаси богинь-рожаниц впоследствии разделились: течение времени стали олицетворять две Зари — широко распространенный в русском фольклоре мотив (примечательно, что их именно две, как и рожаниц), а функцию рождения и подачи вследствие этого удачи «взяла на себя» богиня Макошь (Мокошь). Это не значит, однако, исчезновения культа собственно рожаниц. «Эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем наслаивания нового на сохраняющееся старое» [12, с. 754]. Этим, видимо, объясняется пересечение многих функций и атрибутов зорь, рожаниц и Макоши. Наши предки представляли себе Макошь в виде женщины, прядущей по ночам. Кроме того, что эта богиня была связана с пряжей и тканью, она покровительствовала роженицам и ведала родами, то есть, по сути, выступала как богиня-Мать [17, с. 89, 91].

Возвращаясь к Зорям, стоит заметить, что «в гимнах “Вед” и в мифических сказаниях греков Заря изображается то матерью, то сестрою, то супругою или возлюбленною Солнца. Матерью она представлялась потому, что всегда предшествует

восходу Солнца, выводит его вслед за собою и таким образом как бы рождает его каждое утро» [1, с. 46].

Течение времени, его непрерывность отождествлялись у древнего человека с процессом выпрядания нити. Оттого-то Зори и Макошь превратились в богинь-прях. От выпрядаемой богиней нити-времени зависели человеческая жизнь и судьба. Иногда функция прядения выделялась особо и появлялась богиня-пряха — богиня судьбы. Видимо, по древнейшим представлениям индоевропейцев, человеческое существование — это тянущаяся нить жизни, которую выпрядает богиня (или богини) Судьбы. От этих представлений в нашем языке сохранились характерные выражения: «нить жизни», «нить судьбы», «узловой момент», «развязка событий» и т. д. Итак, все богини — Зори, Макошь, рожаницы и пряха-Судьба — суть воплощение рождающей силы природы. Их культы существовали параллельно и нашли, в зависимости от специфики функций богинь и их ипостасей, отражение в различных фольклорных жанрах.

С распространением на Руси христианства в славянской сакральной традиции появился новый образ — Богородица. Христианский образ Богородицы оказался настолько близок языческому культу рождающей Матери-природы, что органически вписался в славянскую традицию, объединив в себе в итоге все древние представления, произошедшие от культа небесной Матери-рожаницы.

Очень рельефно и ярко это слияние культов прослеживается в восточнославянских заговорах, в которых образы Зари, «красной девицы» — швеи или пряжи и Богородицы не просто сосуществуют, а взаимно заменяют друг друга, переходя один в другой. Так, часто встречается подобная заговорная формула: «Сидит девица душа красная, Пресвятая Богородица» [4, № 40]. Как видим, оба образа практически объединены. Зори же в заговорах часто получали имя Богородицы — Мария, звались «матушкой»: «под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Мария, вечерняя заря Маремьяна» [4, № 56]. Не менее показателен пример, где Заря одновременно называется и матерью и девицей — эпитетами взаимоисключающими, присущими одновременно только Богородице, объединившей в себе представления о двух языческих рожаницах, Матери и Дочери: «Зоря зорница, красная девица, сама мати и царица» [4, № 208]. Еще один заговор помещает зарю по имени Мария на «Господний престол» («Пойду я, раб Божий, по зорю Марию, по зорю Маремьянию ко Господню престолу, на Господнем престоле мати Мария и Маремьяния» [5, № 10], где место, как известно, Богородице: «на крутой горе стоит Божия церковь, и в той церкви стол-престол, на столе-престоле сидит сама Царица небесная» [9, № 30].

Показательно, что все эти образы имеют связь с островом Буяном, мифическим сакральным центром древних славян, расположенном, по их верованиям, в небесном божественном мире. Все героини в большинстве заговоров упоминаются находящимися именно там: «На море на Окиане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица»; «На море — на Окиане, на острове — на Буяне стоит церковь; а в той церкви стоит престол, за престолом стоит Пречистая Дева Мария» [14, с. 63; 2, с. 217].

Идентичность этих образов подтверждается и тем, что в заговорах все они исполняют тождественные функции. Подавляющее большинство магических текстов, где присутствуют эти персонажи, — заговоры для остановки кровотечения. С одинаковой частотой «унимательницами» крови выступают то «красная девица», то «Мати Богородица»: «ты встань, восстань, красная девушка, возьми иглу линевою, ты вздень нитку шелковую, зашей рану кровавую»; «Мать Пресвятая Богородица шелковые нитки мотает, кровавые раны зашивает» [9, № 136; 4, № 149].

Кроме этого «красная девица» и Богородица описываются в заговорах находящимися в одинаковой обстановке. Находясь на острове Буяне, они сидят на камне Алатыре или около него (часто на стуле или престоле), или помещены в некий дом (терем, храм). «Красная девица»: «На море на Окиане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч

камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица», «...стоит семибашенный дом, а в том семибашенном доме сидит красная девица» [14, с. 63, 47]. Богородица: «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит горюч камень; на том камне сидела Пресвятая Богородица», «На крутой горе стоит Божия церковь, и в той церкви стол-престол, на столе-престоле сидит сама Царица небесная» [2, с. 217; 9, № 130].

А вот один из отрывков, где явно перемешались образы Богородицы и Зари, что лишней раз указывает на их смысловую и функциональную близость: «Пойду я, раб Божий, по зорю Марию, по зорю Маремьянию ко Господню престолу, на Господнем престоле мати Мария и Маремьяния <...> как на небе нетленные ризы держаться, так бы держалась раба Божия...» [15, с. 81]. Чудодейственная риза (покрывало, платок, фата) часто встречается в заговорах равно с упоминанием и Богородицы и Зари. Но, как известно, в христианской традиции чудодейственная риза — атрибут Богородицы, А в заговорах мы видим, что этот же атрибут присущ и Заре. «Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою от проклятого лимаря»; «Пресвятая Богородица спасла и хранила, золотой невестиной ризой прикрывала» [14, с. 54; 10, с. 49].

Часто в заговорах человек, предохраняясь от негативного воздействия врагов или темных сил, защищает себя при помощи стихий, среди которых упоминается и Заря: «Стану я, раб Божий, и благословесь и пойду перекрестесь, пойду по матери по сырой земли, небом покроюсь, зарею подпояшусь, звездами обтыцусь» [5, № 43]. В подобных текстах заря представляется в виде некоего пояса, кушака, холста, ограждающего от несчастий. Можно предположить, что древние славяне наделяли зарю как природное явление, видимое на небе, некими свойствами ткани, словно распростертой на небосводе. Сравнение зари с тканью и подпоясывание ею неслучайно, поскольку обрядово-магическая, ритуальная функция ткани заключается в ограничении определенного пространства [3, с. 89–98]. Опоясываясь магическим поясом (в данном случае — зарей), человек словно замыкал себя в круг, создавая вокруг себя границу, недоступную для сил зла [6, с. 68–70]. Фольклорная символика пояса также связана и с представлением о детородной, рождающей силе и замыкании, защите, ограничении пространства [16, с. 109–111]. Эти понятия вызывают ассоциацию с беременностью, что подтверждает связь образа Зари с представлениями о рождающей Матери-природе. Однако, в тех случаях, когда в заговорах Заря не упоминается, аналогичную ей роль ткани играет покрывало (риза) Богородицы: «...утреннюю росую умываюся, текучей водой утираюся, ризою Матушки Богородицы облакаюся», «Заступница матушка, Пресвятая Владычица Богородица, заговори мое тело белое <...> и подпояшь златым своим поясом, и запри, и замкни в тридевять ключей» [15, с. 128; 7, с. 113].

Итак, как мы видим, женские образы русских заговоров близки один другому, выполняют одинаковые функции и заменяют друг друга. Встает вопрос: каково же происхождение этих образов? Ответ на него надо искать в жизнедающей функции этих персонажей. Едва ли случаен тот факт, что в подавляющем большинстве заговоров обязательно указывается, что «красная девица» (или Богородица) находится на острове Буяне. В славянской мифологии остров Буян представляет собой мировой источник движения, развития, жизненной силы. Видимо, остров потому и трактовался как источник плодородия и жизни, что считался обиталищем Матери-рожаницы — символа вечного рождения, жизни, обновления природы. Возможно, образ богини-Матери и появился как воплощение, как символ жизнедающей функции острова Буяна. Связь этого образа с образом Матери Богородицы неслучайна, поскольку Богородица — персонаж, в первую очередь ассоциирующийся с рождением и материнством.

Связь девицы-Богородицы с культом плодоносящей силы природы подтверждается еще и тем, что ее функции идентичны функциям природы. Мы уже обратили внимание, что один из вариантов описания «красной девицы» или Богородицы — нахождение их в некоем доме или храме. Присутствует и еще один вариант — «красная девица» находится в гробнице: «На море на Кияни, на острови на Буяни, на камне на высоком стоит гробница,

в гробнице лежит красная девица...» Функция девицы останавливать кровь, между тем, в подобных заговорах сохраняется: «...ты встань, восстань, красная девушка, возьми иглу линевою, ты вздень нитку шелковую, зашей рану кровавую» [9, № 136]. Если «красная девица» русских заговоров олицетворяет собой природу, то варианты таких заговоров (девица, просто сидящая на камне, девица в доме, в гробнице) могут рассматриваться как метафоры сезонных природных состояний. В этом случае присутствие в заговорах гробницы или дома вполне объяснимо. Это — отражение зимней фазы природы, когда она, по поверью древних народов, как-бы засыпает, временно умирает. «Девица в гробнице» — это образ природы зимой. Мы встречаем в заговорах и спящую Богородицу: «на Сионских горах, на синих морях, на желтых на песках, на тридесять ключах лежит белый камень гладкий. На том камне стоит столб и Христов престол. На том на престоле сама Мать Пресвятая Богородица опочивает» [7, с. 131]. Случаи же, когда в заговорах упоминается дом или храм (суть — строение, крыша, замкнутое пространство), скорее всего являются вариантами заговоров с упоминанием гробницы. Гробница здесь не только и не столько символ смерти, сколько знак ограниченного пространства, ограниченного движения, несвободы. Так зимние холода сковывают все живое, останавливают движение. «На том на камне Латыре стоит хрустальный терем, в том хрустальном терему стоит золотой стул, на том стуле сидит красная девица»; «на том камне стоит святая церковь; в той святой апостольской церкви стоит золотой престол; на том золотом престоле сидит Матерь Божия с двумя сестрицами, прядет и сучит шелковую кудельку» [11, с. 370; 4, № 150].

В данном случае особый интерес представляет тот факт, что женщина в заговорах напрямую связана с кровью (в заговорах, как и в древнерусском языке, кровь называлась рудой). Эта связь вполне обоснована, если исходить из того, что «красная девица» и Зарязаряница тождественны богине Рожанице. После крещения Руси «свое место в языческом мировоззрении находит и образ Богоматери. Народное сознание переосмыслило образ непорочной Девы. В языческой по сути среде этот образ наделялся чертами древних славянских божеств-рожаниц — покровительниц семьи и брака, дарующих плодородие» [18, с. 293]. В фольклоре кровь выступает одним из символов жизни, и потому не удивительно, что девица Заря или Богородица в заговорах останавливают кровь, зашивая рану, тем самым сохраняя человеку жизнь. Интересно, что рана именно зашивается. Фигурирующая в заговорах нить-шелковинка — вариант пресловутой нити жизни древних мифов.

В мировом фольклоре можно найти немало аналогичных сюжетов. Можно вспомнить дочерей Фемиды из древнегреческой мифологии (в других вариантах — дочерей Судьбы (Ананке)), трех античных мойр (парок), которые были пряжами, выпрядавшими нить человеческой жизни. Клото пряла эту нить, Лахезис проводила человека через все жизненные препятствия, а старуха Атропа обрывала нить жизни. Славянские заговоры отразили тот же сюжет: «...в той каменной избе сидят три сестры, самому Христу по душе дочери. Большая сестра сидит у порога на золотом стуле, берет иглу булатную, вдевает нить шелкову, зашивает рану кровавую», «На море на Окияне три девушки сидят, ниточки прядут» [2, с. 214–215]. Это, видимо, объясняется тем, что «у славян в глубокой древности существовало то же представление о божестве Судьбы. Наиболее полно оно сохранилось у южных славян («Среча», «Сърешѣ»). Это — красивая девушка, прядущая золотую нить. Среча заботится о нивах, о стадах, помогает человеку в борьбе со злом. Среча — это удача, добрая судьба человека» [13, с. 324]. Как видим, Среча и Макошь очень похожи. С принятием христианства функции богини Судьбы (Макоши) частично перешли к Богородице. В Софийском соборе в Киеве на одной из фресок она изображена с веретеном в руке подобно парке или Срече. Поскольку богиня судьбы предопределяла жизнь человека с самого его рождения, а возможно даже, и с момента зачатия, ее покровительство, кроме самой жизни, распространялось, видимо, и на процесс рождения. Здесь в традиционной русской культуре

вспомогательными божествами выступали рожаницы. С большой долей уверенности можно сказать, что культ Богородицы объединил в себе два языческих культа: Макоши и рожаниц.

К каким бы современным религиозным конфессиям мы ни обратились, можно заметить, что всем им свойственен своего рода «религиозный патриархат». Все доминирующие и основообразующие образы этих религий наделены бесспорными андронидными чертами, как визуальными, так и поведенческими. Христианские Бог Отец и Иисус Христос — мужчины. Святой Дух и тот нередко изображается в иконографии в образе юноши-ангела (вспомните «Троицу»). Мужской пол Будды сомнений не вызывает. Мусульманский Аллах аналогичен христианскому Богу Отцу. Бог Отец царит во вселенной. Однако, всегда ли, человек, поднимая глаза к небу, обращал свои помыслы именно к Отцу? По историческим меркам это произошло сравнительно недавно, несколько тысячелетий назад, со времени распространения монотеистических религий. Чем дальше мы будем углубляться в языческую древность, тем более будем убеждаться, что главным божеством, Великой Богиней для человечества всегда была Женщина, и не просто женщина, а Мать. Небесная Мать всего живого. И не следует думать, будто ее культ со временем исчез безвозвратно, повинувшись новым культурно-историческим ценностям. Великая Мать почитаема и ныне, например, в образе Богородицы.

Библиографический список

1. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избранные произведения. М., 1992.
2. *Горовая Т.* Великорусские заклинания. М., 1997.
3. *Лысенко О. Б.* Феномен ткачества в архаичной модели мира: (Опыт описания традиций ткачества восточных славян на уровне концептуальной модели: нить-пояс-полотно. Технологический и семантический аспекты) // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб., 1993.
4. *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т 2. СПб., 1869.
5. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко: Ч. 2. Народная словесность // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1878. Кн. 5., вып. 2.
6. *Назаренко Ю. А.* О некоторых аспектах моделирования границ в связи с представлениями о человеческом теле // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993.
7. Народные заговоры. М., 1997.
8. *Павленко Ю. В.* Праславяне и арии. Древнейшая история индоевропейских племен. Киев, 2000.
9. *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро Кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.
10. Русская свадебная поэзия Сибири. Новосибирск, 1984.
11. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М., 1880. (Репринтное издание.)
12. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.
13. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1997.
14. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1990.
15. 777 заговоров и заклинаний русского народа. М., 1997.
16. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
17. *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян: Опыт реконструкции. М., 1998.
18. *Фролов А. А.* Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997.